

ВЕСТНИК РГГУ
№ 3 (5)

Научный журнал

Серия
«Психология. Педагогика. Образование»

Москва
2016

Теоретические и эмпирические аспекты
введения в психологию
философского представления
об идеальном прообразе развития

Представлено философско-методологическое обоснование введения в науку представления об идеальном прообразе развития – архегении, и нового теоретико-методологического этнофункционального подхода в психологии и междисциплинарных исследованиях наук о человеке. Показано, что использование категории архегении и этнофункционального подхода в психологии позволяют получить эмпирически валидизируемые результаты. В обобщенном виде представлены результаты эмпирических и экспериментальных психологических исследований, подтверждающих валидность разработанных теоретических построений. Приведены некоторые результаты эмпирических этнофункциональных исследований в клинической, педагогической и др. областях, а также результаты их применения в исторической психологии.

Ключевые слова: развитие, методология, идеальный прообраз, архегения, этнофункциональный подход.

Становление психологической науки в ее современном виде в целом определялось в конце XIX – начале XXI вв. в соответствии с методологическими приоритетами новейшего времени – в позитивистском ключе. Данный подход предполагает обязательную опору на рациональное объяснение психических явлений и эмпирическую валидизацию возможных теоретических построений, что не вызывает сомнений. Вместе с тем в психологии уже имеется опыт использования идеальных представлений, которые невозможно зафиксировать эмпирически. Это, например, понятие архетипа (Archetypus) у К.Г. Юнга, которое, по существу,

имеет тот же смысл, что и «эйдос» («идея») у Платона. Архетип может иметь различные «архетипические представления» (archetypische Vorstellungen) или, правильнее сказать, «проявления», которые можно соотнести с «вещами» Платона, т. е. «воплощениями» эйдоса. Однако объясняя соотношение понятий «архетип» и «архетипическое представление», Юнг опирается не на Платона, а на естественно-научную аналогию, проводя ее соответственно между инвариантностью молекулярной структуры кристаллической решетки и бесконечным многообразием форм конкретных кристаллов¹. С идеальными представлениями имеет дело и развивающийся в настоящее время гуманитарный подход в психологии (В. Франкл, Ф.Е. Василюк, В.И. Слободчиков и др.), где рассматривается, в частности, субъектная специфика религиозных переживаний, нравственные идеалы и пр. Однако неясными остаются методологические и историко-философские основания введения идеальных представлений в психологию, а также возможность эмпирической валидации эффективности их использования на практике. В данной связи в обобщенном виде *проблема* нашего исследования состоит в изучении возможности и необходимости введения в психологическую науку понятий или категорий, обозначающих умозрительные трансцендентные представления (например, идеальные, духовные), недоступные непосредственному познанию нашими органами чувств.

В связи с тем, что одним из базовых понятий, используемых в современной психологии и философии, является развитие, *целью* настоящего исследования было историко-философское и методологическое обоснование введения в психологию категории идеального прообраза развития, построение на данной основе теории и анализа эмпирически фиксируемых результатов ее применения. Речь идет о введении в философию и психологию новой категории, характеризующей наиболее общие, базовые отношения действительности и познания. Рассмотрим (предварительно) необходимые для дальнейшего исследования общие психологические и философские предпосылки введения в психологическую науку трансцендентного представления об идеальном развитии.

Тонкости различий методологических течений материализма, идеализма, позитивизма и эмпириокритицизма достаточно обсуждались в философских публикациях². Выдающийся отечественный психолог и философ Г.И. Челпанов в процессе анализа методологических оснований психологии отмечал в своих лекциях неправомерность отождествления позитивизма и материализма. Позитивистами, писал Челпанов, называются те «философы», для кото-

рых «познаваемое ограничивается чувственным опытом», а с тем, что «не подлежит чувственному опыту... наука и философия ничего общего не имеют»³. Подводя итог циклу лекций, посвященных анализу философского материализма, он признает его «безусловно ложным»⁴. Признавая при этом достижения позитивистского подхода и подчеркивая специфику такого метода познания в психологии, как «самонаблюдение», Челпанов отмечает, что «это познание дается нам не при помощи органов чувств»⁵. Таким образом, в отечественной психологии им была, во-первых, поставлена проблема несводимости психологического познания к эмпирическому исследованию, основанному в конечном итоге на чувственном опыте и рациональном объяснении результатов исследований. Во-вторых, Челпановым было заложено философско-методологическое основание для позитивистски ориентированных психологических исследований, опирающихся, кроме прочего, на идеальные представления, не выводимые с помощью только материалистических методов познания.

В качестве основы западноевропейской и русской философии в целом и представления об идеальном в частности многими учеными рассматривается философия Платона⁶.

Центральное понятие своей философии – «эйдос» (умопостижимую идею) Платон, по мысли А.Ф. Лосева, толкует как предел становления вещи⁷. Согласно Платону, душа человека есть его эйдос. Эйдос воплощается в вещественный мир в качестве реального человека. В свою очередь, человек может совершенствоваться, очищаться от того, что чуждо божественному и возвращаться к своей бессмертной сущности⁸. Процесс восхождения человека к эйдосу понимался как «очищение», «катарсис». Катарсис обозначал процесс и результат облагораживающего, очищающего воздействия на человека. В неоплатонизме эйдос также характеризовался как совершенный, прекрасный и неизменный⁹.

В святоотеческой литературе, например, св. Григорий Нисский описывал также процесс, противоположный совершенствованию – вследствие страстей эйдос изменяется и обретает «болезненную бесформенность»¹⁰. Античное представление о катарсисе, по нашему мнению, является наиболее близким по смыслу к представлениям о развитии в психологической науке новейшего времени – у З. Фрейда, Э. Эриксона, Л.С. Выготского и др.¹¹ На наш взгляд, ячение Платона об эйдосе имеет смысл для современной психологической науки и может служить общим основанием гуманитарного подхода в индивидуальной работе в области практической психологии. Существенным является вопрос об эмпирической

валидизации данной умозрительной теории. Для его решения необходимо конкретизировать платоновское представление о душе как эйдосе человека применительно к наиболее общим современным представлениям, характеризующим психику. Важнейшей такой характеристикой является ее *способность к развитию*.

Возникновение в западноевропейской философии представления о развитии обычно связывают с распространением христианской эсхатологии. В принципе, западноевропейские философские представления о развитии в том или ином виде основывались на учении Платона. В частности у Шеллинга и Гегеля развитие понимается как возвращение к изначально заданному идеалу. У Гегеля целью исторического развития было преодоление «отпадения» от Абсолютного духа. У Шеллинга развитие понималось как преодоление «космического отпадения» и возвращение человека к духу¹².

Принято считать, что как таковой категории развития в античности не существовало; это объяснялось тем, что мир античности «статичен»¹³. Данной позиции, однако, не придерживался такой авторитетный ученый, как Лосев. Он писал, что «категория развития, или, точнее говоря, органического развития, во всяком случае была весьма глубоко продумана в античности» не только у Платона, но в особенности и у Аристотеля¹⁴. Отметим, тем не менее, что собственно категории развития, именно как отдельного понятия, обозначающего наиболее общие, базовые отношения действительности и познания, в античности не было.

В самом общем виде развитие является *изменением*, т. е. одной из форм превращения чего-то в нечто иное. Более узко, в процессе анализа проблемы развития у Платона, Лосев рассматривает развитие в связи с представлениями о становлении и движении. Он определяет *становление* следующим образом: «смена одного момента другим, когда каждый отдельный момент при своем возникновении тут же и уничтожается, снимается»¹⁵. *Движение* понимается Лосевым как становление, но «качественно заполненное». Категория *развития* определялась при этом как такое становление, которое «уже в самом начале содержало в себе в замкнутом и неразвернутом виде все свое дальнейшее становление и развитие». Он отмечал, что «развитие отличается от простого становления *направленностью*, а именно направленность постоянно развертывать то, что в самом начале дано в неразвернутом виде»¹⁶.

Лосев рассматривал природное развитие (объективное) и личностное (субъективное). Он отмечал, что личностное развитие, в отличие от природного, характеризуется сознанием и мышлением – разумным началом. С позиций современной науки, как личность,

так и общество развиваются, с одной стороны, по объективным законам, а с другой – могут обладать признаками субъектности, в частности, активностью и самостоятельностью, ответственностью, саморефлексией и другими характеристиками¹⁷. Развитие общества и личности мы понимаем, соответственно, как развитие коллективного и индивидуального субъекта. Представление о единстве микро- и макрокосма, обозначенное у Платона в мифе о Фаронее¹⁸, на наш взгляд, может пониматься как аналогия между общественным и индивидуальным развитием человека.

Представление о развитии тесно связано с представлениями о воспитании и обучении. Обращаясь к Платону, мы находим следующее: «...знание на самом деле не что иное, как припоминание: то, что мы теперь припоминаем, мы должны были знать в прошлом ...»¹⁹. Иначе, прежде чем воплотиться в образ человека, душа уже обладает всеми знаниями и такими представлениями, как «прекрасное, и доброе, и все остальное»²⁰. Исходя из этого, *воспитание и обучение*, по нашему мнению, можно понимать как единый процесс вспоможения или содействия, т. е. «майевтики», буквально – повивального искусства²¹. Майевтика, согласно Платону, понималась Сократом как искусство извлекать скрытое в каждом человеке знание с помощью наводящих вопросов²², способствующих осознанию реальным человеком уже имеющихся в его психике знаний, нравственных норм и формированию «каллокагии» как «способности избирать наилучшее»²³.

Таким образом, согласно Лосеву, античное понимание развития определяется как возвращение к изначально заданному природному идеалу, причем в отношении, например, общественного развития «именно природа будет моделью для истории, а не история – моделью для природы»²⁴. Другими словами, развитие можно понимать как движение к идеалу *природосообразности*. Процесс обучения и воспитания при этом способствует, оптимизирует приближение души человека к ее идеальному прообразу, эйдосу.

Для нашего дальнейшего исследования существенно, что категория развития неразрывно связана с категорией *времени*. У Платона «первообразом для времени послужила вечная природа, чтобы оно уподобилось ей насколько возможно»²⁵. Таким образом, природе, по Платону, можно понимать как идеальную цель развития, а время в процессе развития течет природосообразно.

Основные идеи античной философии были усвоены христианством, в частности святоотеческой литературой – у св. Василия Великого, св. Григория Богослова, св. Григория Нисского²⁶. В христианской традиции земля и вода, живая природа и человек – венец

творения изначально были созданы Богом совершенными. Человек дал имена животным и птицам (Быт 2:2) и жил с ними в мире. Божий промысел нарушило грехопадение человека. Изначальная связь человека и созданной Богом природы исказилась вследствие возникновения зла и грехопадения, исказилась целостность природы и человека. В связи со сказанным христианский смысл развития человека, на наш взгляд, можно понимать как процесс искупления греха, вследствие чего человек, а затем и природа возвращаются к своей идеальной, изначально существующей божественной сущности. Смысл данного процесса возвращения к изначально заданному идеалу аналогичен пониманию процесса развития, которое Лосев усматривал в античной философии.

Идея природосообразности обрела новую жизнь в эпоху Возрождения. Продолжение античных представлений о необходимой природосообразности процесса воспитания в XVII в. на конкретных жизненных примерах было ярко представлено в трудах Я.А. Коменского – наряду с христианством античные идеи были для него важнейшим ориентиром²⁷. В эпоху Возрождения «теория разрешила противоречие между “обращением к природе” и “обращением к античности” тем, что считала само классическое искусство высшей и “истинной” формой натурализма»²⁸.

С принципом природосообразности тесно связана идея *культуросообразности*. Данная идея вряд ли могла возникнуть в греческой античности, так как древнегреческий мир был относительно замкнут и другие народы греки обобщенно считали варварами. Древнегреческое миросозерцание не предполагало наличия иных, кроме собственной, современных грекам культур.

Сравнивая древнегреческую и древнеримскую античность с эпохой Возрождения в Италии мы опираемся на общее представление французской историко-психологической школы Анналов об истории *ментальности*²⁹.

В основе ментальности личности и общества мы рассматриваем образную сферу личности, т. е. совокупность «вторичных образов» — представлений, воображения, памяти и пр.³⁰ Вторичные образы связаны с ценностями, мышлением (знаниями, суждениями, умозаключениями), эмоциональными отношениями, чувствами. Психический образ регулирует заключительный этап конкретной деятельности. Для практики он не менее реален, чем сама материальная действительность³¹. Наше понимание ментальности близко к представлениям А.В. Юревича³², однако мы выделяем в ментальности не только «пространственную», но и субъектную *историческую* составляющую³³.

Возвращаясь к теме Возрождения, заметим, что возрождалась относительно единая античная культура и даже отношение к ландшафтам и архитектурным развалинам, составлявшим прошлое итальянцев³⁴. В то же время в странах Северной Европы (Германии, Нидерландах и др.) культуросообразность приобретала особый смысл. В ментальности данных стран нарастало противоречие между представлением об их родной природе и дохристианской культуре и представлением об античной культуре и природе. Различие в содержании итальянского «Ренессанса» и североевропейских «ренессансов» отмечал Э. Панофский³⁵. К началу эпохи Возрождения страны Северной Европы уже более 1000 лет объединяла христианская культура. При этом в культурах этих стран имело место лишь «рефлексивное» использование элементов античной древности³⁶. В эпоху Реформации идея культуросообразности обрела особую актуальность, что проявилось, в частности, в национально обусловленном протесте Лютера против Рима³⁷ и возникновении национальных школ с преподаванием на родном языке³⁸.

В XVIII в. необходимость опоры на принцип природосообразности не только в воспитании и обучении, но и в общественной жизни в целом подчеркивал основоположник западноевропейского романтизма Ж.Ж. Руссо. Всю историю человечества он понимал как отступление от первоначальной естественности, а причину данного отступления Руссо видел в «прогрессе разума»³⁹.

В XIX в. принцип природосообразности разрабатывали и применяли в педагогической деятельности И.Г. Песталоцци и А. Дистервег. Последний вместе с принципом природосообразности развивал также и идею культуросообразности в образовании⁴⁰. В качестве «высшего основного принципа человеческого воспитания» он рассматривал принцип природосообразности⁴¹. Принцип природосообразности, согласно Дистервегу, «вечен и неизменен, как неизменны назначение и природа человечества». Существенно его понимание данного принципа как идеала, к которому «можно только приблизиться, никогда его полностью не достигая»⁴². В свою очередь, культуросообразность, по Дистервегу, предполагает учет требований места «где мы находимся, и той ступени культуры, которая нами достигнута»⁴³.

В психологии время рассматривается в целом в трех аспектах – прошедшее, настоящее и будущее⁴⁴. В современных теориях психического развития личности практически всегда используется гегелевское понимание развития как необратимого, закономерного, направленного изменения⁴⁵. При этом не учитывался существенный момент в понимании развития Г.В.Ф. Гегелем. Главным же яв-

ляется то, что в процессе развития разворачиваются представления идеала – Абсолютного Духа, который не дан нам непосредственно в восприятии органами чувств⁴⁶. При этом множество «национальных духов» вливаются в единый «мировой дух» у Гегеля⁴⁷.

В отличие от Гегеля идеальный прообраз мы полагаем не только изначально заданным, но и «природосообразным» (*естественным*). В соответствии с принципом культуросообразности особенности развития конкретных индивидуальных и коллективных субъектов могут различаться как по количеству последовательных этапов развития, так и по их содержанию. Представление об идеале как «эйдосе» статично и лишено характеристик, присущих времени, развитию. Вместо представления о «неподвижном» идеале (эйдосе) мы вводим обобщенное философское представление об идеальном прообразе развития, являющемся его целью. Каждый конкретный идеальный прообраз развития, в соответствии с принципами природо- и культуросообразности, может разворачиваться в форме различных по содержанию и количеству последовательных этапов.

На основе проведенного выше краткого историко-философского анализа мы предлагаем концептуализировать принципы природо- и культуросообразности на современном этапе развития науки. Для этого мы вводим философское понятие *архегенезиса* (греч.: архе – первый изначальный; генезис – рождение), которое обозначает *идеальный прообраз развития*, понимаемый как *естественный* (природосообразный). Данное понятие в принципе может применяться не только для описания процесса психического развития индивидуального или коллективного субъекта, но и для описания развития в природе.

Мы полагаем, что для каждого этапа исторического развития коллективного субъекта имеет место особое актуальное специфическое содержание, играющее ведущую роль в развитии на данном этапе. Это положение мы закрепили введением принципа *исторической актуальности*⁴⁸ того или иного содержания ментальности.

В условиях нарастающего в представлениях людей этнического многообразия и смешения исторически актуальной характеристикой современной культурно-исторической ситуации является *этничность*. Этнические факторы, как отмечают многие исследователи, начиная с конца XX века, приобретают все большее значение для жизни индивида и общества⁴⁹. Учет этнических факторов по существу является учетом принципов природо- и культуросообразности, так как этничность, как это показано в работах Ю.В. Бромлея, Л.Н. Гумилева, В.И. Козлова и др., характеризуется

всей совокупностью ландшафтно-природных, биологических, антропологических, культурно-психологических, а также, по нашему мнению, и трансцендентных духовных признаков, или параметров развития. В представлениях современного человека все более нарастает культурная, конфессиональная, биологическая и ландшафтно-природная и другие неоднородности. Проблема этнической неоднородности может адекватно рассматриваться с позиций предлагаемого нами исторически актуального *этнофункционального подхода* как современного перспективного в теоретико-методологическом и прикладном отношении направления исследований Института психологии РАН⁵⁰. Этнофункциональная методология является междисциплинарной и в ряде аспектов «внепсихологической», так как может быть использована в других науках о человеке⁵¹.

Базовым в данном подходе является *принцип этнофункциональности*, согласно которому указанные выше факторы наделяются *этнодифференцирующей* и *этноинтегрирующей* функцией, разъединяющей или объединяющей субъекта с каким-либо этносом, этнической системой. В целом принцип этнофункциональности вводится как исторически актуальная операционализация принципа культуросообразности на современном этапе развития науки.

Также в данном подходе для целей психологических исследований используются этнофункционально операционализованные принципы *развития* и *системности*⁵². Методологическое единство изучения индивидуального и коллективного субъекта обеспечивается введением принципа *этнофункционального единства микро- и макрокосма*.

Для полноты описания природы и культуры мы ввели представление об *этносреде*, включающее, помимо традиционных признаков (параметров развития), таких как культура и психология общества, ландшафт, животный и растительный мир, биология и антропология человека, еще и духовные (трансцендентные) характеристики (духи природных стихий и явлений, Бог, те или иные духовные сущности, априорные формы познания и др.). При рассмотрении развития общества, конкретный коллективный субъект развития полагается «погруженным» в этносреду и особенности ментальности данного общества рассматриваются как характеристики самой этносреды. Другими словами, ментальность рассматривается как часть этносреды, в которой развивается субъект.

По аналогии с этапами развития общества в конкретной этносреде можно рассматривать стадии развития личности. В частности, для русской этносреды (так как рефлексия понятия осуществляется на русском языке и с позиций русской культуры автора)

можно рассматривать следующие этапы развития: доисторический, языческий, христианский, этап Просвещения, этнической маргинальности и будущий проектируемый этап. Для личности в данной этносреде по аналогии выделяются следующие стадии развития: пренатальная, природная, природно-анимистическая, религиозно-этическая, стадия Просвещения, стадия *этнической маргинальности* (введенное нами в 1994 г. понятие, характеризующее этнофункционально неоднородную психику) и будущая *проектируемая* стадия. Проектируемая стадия развития здоровой личности должна характеризоваться оптимальным приближением к интеграции предыдущих стадий как идеалу их целостности в эмоционально-чувственном, когнитивном и поведенческом аспектах⁵³.

Наряду с произвольной исходной точкой, выделяемой в развитии определенного индивидуального субъекта и характеризующейся содержанием и последовательностью стадий его развития в данный момент времени, вводится вторая точка, определяющая направленность развития от конкретных представлений субъекта к идеальному прообразу. Вторая точка характеризуется известными научными представлениями о содержании и последовательности этапов развития этносреды рождения и проживания субъекта. Две данных точки определяют вектор и градиент развития индивидуального или коллективного субъекта. В психологии в качестве данного вектора мы определяем *направленность ментальности* индивидуального субъекта на идеальный прообраз ментальности общества в данной этносреде. Последовательность и содержание этапов развития конкретной этносреды постоянно уточняется с позиций исторической и других наук о человеке и обществе, приближаясь к идеальному прообразу развития, который мы обозначаем как *этнофункциональная архегения* субъекта в данной этносреде (или просто «архегения этносреды»). В психологии рассматривается архегения ментальности общества и личности (индивидуального и коллективного субъекта) в конкретной этносреде, в которой этнофункциональная архегения личности полагается *тождественной* архегии общества (в соответствии с принципом этнофункционального единства микро- и макрокосма).

В связи со сказанным, социально-психологическая коррекция («социальная терапия» в терминологии Э. Эриксона) ментальности индивида или коллективного субъекта будет заключаться в оптимизации его представлений о собственном развитии в процессе приближения их к представлениям исторической науки о последовательности и содержании этапов развития ментальности общества в данной этносреде. Существенно, что с позиций этнофункцио-

нального подхода содержание этапа (стадии) Просвещения имеет нулевую выраженность этнической функции, так как оно характеризуется естественнонаучными представлениями. Однако, как показывают наши исследования, данное содержание не может быть полноценно усвоено субъектом, если в его ментальности отсутствуют полноценно усвоенные ведущие представления предыдущих стадий собственного развития⁵⁴.

Архегеничная этнофункциональная направленность субъекта (т. е. направленность на природо- и культуросообразный идеальный прообраз) оптимизирует его развитие. Оптимизация развития осуществляется с учетом этнической функции данных наук о человеке – географии, истории, литературы, биологии и др. Таким образом можно конструировать системный этнофункциональный проект будущей ментальности субъекта (на основе учета его представлений о собственном прошлом и настоящем) и планировать конкретные шаги по приближению его ментальности к этнофункциональной архегении этносреды его рождения и проживания. Единство обучения и воспитания субъекта определяется его направленностью на этнофункциональную архегению этносреды его рождения и проживания.

Искажения развития субъекта в настоящий момент времени характеризуются снижением степени выраженности его этнофункциональной направленности на архегению этносреды. Эмпирические и экспериментальные исследования показывают связь содержания представлений о будущем, прошлом и настоящем с широким спектром показателей психической адаптированности⁵⁵. Снижение уровня этнофункциональной системности представлений субъекта о собственном прошлом, настоящем и будущем обуславливает искажения его развития и снижение степени психической адаптированности.

Эмпирические и экспериментальные результаты, подтверждающие валидность указанных теоретических построений, были получены в области педагогической⁵⁶, исторической⁵⁷, юридической⁵⁸, клинической психологии⁵⁹, этнопсихологии⁶⁰, а также в других областях. Был разработан и экспериментально обоснован психологический этнофункциональный подход к психотерапии, психопрофилактике и воспитанию⁶¹. В целом результаты эмпирических и экспериментальных исследований показали, что наличие у личности этнодифференцирующих отношений, представлений, ценностей, а также искажений ее этнофункционального развития могут обуславливать те или иные дезадаптационные проявления: психические и психосоматические расстройства, наркотизм, алко-

голизм, криминальное поведение, снижение интеллектуального (в том числе творческого) потенциала. Результаты исследований, осуществленные на индивидуальном уровне, в соответствии с принципом этнофункционального единства микро- и макрокосма могут применяться и на групповом уровне, в частности, в исторической психологии.

Недавно были опубликованы результаты историко-психологических исследований ментальности властных слоев древнерусского общества с X по XVII в., осуществлен сравнительный анализ ментальности русского и западноевропейского общества в X–XVII в.⁶², проведены этнофункциональные исследования личности Петра I и А.С. Пушкина в контексте российской и западноевропейской ментальности и др. В частности, была выявлена этнофункциональная специфика развития русской ментальности в отличие от западноевропейской, которая заключается в типическом вытеснении из ментальности властных слоев русского общества природно-анимистических представлений начиная с середины XIII в., что было обусловлено политическим взаимодействием церковной и княжеской власти с ордынскими ханами⁶³. Данные особенности ментальности княжеской и духовной власти, согласно нашим эмпирическим исследованиям, обусловили определенную степень ее психологической незрелости⁶⁴, проявлявшейся в недостаточно гармоничном взаимодействии эмоционально-чувственной и когнитивной сфер личности, импульсивности принимаемых решений и др. Данная исторически сложившаяся специфика ментальности власти в определенной мере сохранилась и в дальнейшем. Недостаточно высокая степень психологической зрелости в решениях властного коллективного субъекта обусловила, в частности, склонность к затратным мобилизационным решениям в государственном управлении, относящимся к краткосрочной перспективе, а не к гораздо более эффективным и менее затратным долгосрочным проектам. Некоторые исследователи говорят даже о «мобилизационном» пути развития России⁶⁵. С недостаточно высокой степенью психологической зрелости, проявлением психологической зависимости связан также отмеченный еще О.В. Ключевским⁶⁶, зародившийся в XVII в. и, похоже, не остывающий в XXI в., интерес властных и образованных слоев русского общества к формальному заимствованию иностранных манер, бытовых привычек, лексики, речевых оборотов и пр.

Введение в психологию философского представления об идеальном прообразе развития (архегении), а также междисциплинарной этнофункциональной методологии, основывающихся на иде-

альных представлениях о природо- и культуросообразности, дает возможность построения эмпирически валидизируемой в различных областях науки психологической теории развития. Результаты теоретических и эмпирических исследований составили основу теории этнофункциональной психотерапии, психопрофилактики и воспитания.

В историко-психологическом плане оптимизация развития ментальности русского общества (общества русской культуры) с позиций представления об идеальном прообразе развития (архегении) и этнофункционального подхода может обеспечиваться интеграцией в ментальности общества дохристианского (природно-анимистического) и христианского компонентов с научным мировоззрением, зарождение которого относится к эпохе Просвещения. Основным инструментом данной интеграции может являться система образования и, в определенной мере, адекватная задачам указанной оптимизации политика СМИ.

В целом мы полагаем, что область теоретического и практического применения философского представления об идеальном прообразе развития – архегении – в контексте этнофункциональной методологии является весьма широкой и в междисциплинарном аспекте. Определяя критерии социальной, нравственной, экологической, психической и пр. идеальных норм, а также конкретные способы оптимизации развития субъекта, данный подход открывает возможность его эффективного применения в различных науках о человеке или областях, так или иначе связанных с его деятельностью (медицине, истории, географии, биологии, культурологии, политологии и др.).

Примечания

-
- ¹ *Hark H. (Hrsg). Lexikon Jungischer Grundbegriffe. Mit Originaltexten von K.G. Jung. Olten: Walter-Verlag AG, 1988. S. 27.*
 - ² *Осипов В.И. Философия Эрнста Маха и позитивизм. Архангельск: Поморский гос. ун-т, 2010.*
 - ³ *Челтанов Г.И. Мозг и душа. М.: Изд-во «Круг», 1994. С. 32.*
 - ⁴ Там же. С. 78.
 - ⁵ Там же. С. 85.
 - ⁶ *Лосев А.Ф. Пир: Учение о пределе // Платон. Соч.: В 3 т. Т. 2. М.: Мысль, 1970; Флоренский П.А. Оправдание космоса. СПб.: РХГИ, 1995. С. 27–60; Whitehead A. Essays in Science and philosophy. L.; N.Y.: Rider, 1948; и др.*
 - ⁷ *Лосев А.Ф. Указ. соч. С. 505.*

- ⁸ *Платон*. Государство // Платон. Соч.: В 3 т. Т. 3. Ч. 1. М.: Мысль, 1971. С. 89–455. 611d, 612a.
- ⁹ *Плотин*. Эннеады. Киев: УЦИММ-ПРЕСС, 1995. С. 35 и сл.
- ¹⁰ *Петров В.В.* Учение Оригена о теле воскресения в контексте современной ему интеллектуальной традиции // Космос и душа: Учения о вселенной и человеке в Античности и в Средние века / Ред. П.П. Гайденко, В.В. Петров. М.: Прогресс-Традиция, 2005. С. 600.
- ¹¹ *Крейн У.* Теории развития. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2002; и др.
- ¹² *Коплстон Ф.* От Фихте до Ницше. М.: Изд-во «Республика», 2004. С. 156.
- ¹³ *Юдин Э.Г.* Развитие // Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1989. С. 537.
- ¹⁴ *Лосев А.Ф.* Античная философия истории. М.: Изд-во «Наука», 1977. С. 22.
- ¹⁵ Там же. С. 3
- ¹⁶ Там же. С. 3–5.
- ¹⁷ *Журавлев А.Л.* Коллективный субъект: основные признаки, уровни и психологические типы // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 5. С. 72–80 и сл.
- ¹⁸ *Платон*. Тимей // Платон. Соч.: В 3 т. Т. 3. Ч. 1. М.: Мысль, 1971. С. 455–543. 22ab.
- ¹⁹ *Платон*. Федон // Там же. Т. 2. М.: Мысль, 1970. С. 11–95; 73a.
- ²⁰ Там же. 77a.
- ²¹ Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1989. С. 331.
- ²² *Платон*. Пир // Платон. Соч.: В 3 т. Т. 2. М.: Мысль, 1970. С. 95–157; 206b–208e; *Он же*. Теэтет // Там же. С. 223–319, 150a–151d.
- ²³ *Платон*. Диалоги. М.: Мысль, 1986. С. 430.
- ²⁴ *Лосев А.Ф.* Античная философия истории. М.: Изд-во «Наука», 1977. С. 19.
- ²⁵ *Платон*. Тимей // Платон. Соч.: В 3 т. Т. 3. Ч. 1. С. 455–543; 38bc.
- ²⁶ Космос и душа: Учения о вселенной и человеке в Античности и в Средние века / Ред. П.П. Гайденко, В.В. Петров. М.: Прогресс-Традиция, 2005. С. 598–601, 844–859.
- ²⁷ *Коменский Я.А.* Избранные педагогические сочинения. Т. 1. М.: Педагогика, 1982. С. 326.
- ²⁸ *Пановский Э.* Ренессанс и «ренессансы» в искусстве Запада. СПб.: Азбука-классика, 2006. С. 85.
- ²⁹ *Блок М.* Апология истории. М.: Наука, 1986.
- ³⁰ *Гостев А.А.* Психология вторичного образа. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007; *Он же*. Религиозный менталитет как политический фактор: на «перекрестке» исторической и политической психологии // Развитие психологии в системе комплексного человекознания: В 2 ч. Ч. 2. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 87–90; *Сухарев А.В.* Этнофункциональная парадигма в психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
- ³¹ *Шихирев П.Н.* Эволюция парадигмы в современной социальной психологии: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 1993. С. 63.

- ³² *Юревич А.В.* Психология социальных явлений. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014. С. 218–230.
- ³³ *Сухарев А.В.* Структура ментальности русского и западноевропейского общества в X–XVII вв.: этнофункциональный анализ // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 2. С. 126.
- ³⁴ *Буркгард Я.* Культура Италии в эпоху Возрождения. Смоленск: Русич, 2003.
- ³⁵ *Пановский Э.* Ренессанс и «ренессансы» в искусстве Запада. М.; СПб.: Азбука-классика, 2006. С. 103–190.
- ³⁶ Указ. соч. С. 166.
- ³⁷ *Руткевич А.М.* «Психонистория» Э.Г. Эриксона // Эриксон Э.Г. Молодой Лютер. М.: Меднум, 1996. С. 3–23.
- ³⁸ *Паульсен Ф.* Исторический очерк развития образования в Германии. М.: Типография Т-ва И.Д. Сытина, 1908.
- ³⁹ *Руссо Ж.Ж.* Трактаты. М.: Наука, 1969. С. 417.
- ⁴⁰ *Дистервег А.* Избранные педагогические сочинения. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство, 1956. С. 5.
- ⁴¹ Там же. С. 223.
- ⁴² Там же. С. 231.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ *Нестик Т.А.* Социально-психологическая детерминация группового отношения к времени. Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., ИП РАН, 2015.
- ⁴⁵ *Юдин Э.Г.* Указ. соч. С. 537.
- ⁴⁶ *Гегель Г.В.Ф.* Наука логики. Т. 1. М.: Мысль, 1970.
- ⁴⁷ *Гегель Г.В.Ф.* Лекции философии истории. СПб.: Наука, 1993.
- ⁴⁸ *Сухарев А.В.* Опыт преодоления методологического кризиса: принцип исторической актуальности и этнофункциональная парадигма в психологии // Мир психологии. 2009. № 3 (59). С. 123–159.
- ⁴⁹ *Сусоколов А.А.* Структурные факторы самоорганизации этноса // Расы и народы. М.: Изд-во «ИЭА РАН», 1990. Вып. 20. С. 5–40 и др.
- ⁵⁰ *Журавлев А.Л.* Основные тенденции развития психологических исследований в Институте психологии РАН // Психологический журнал. 2007. Т. 28. № 6. С. 5–18.
- ⁵¹ *Журавлев А.Л.* Специфика междисциплинарных исследований в психологии // Там же. 2002. Т. 23. № 6. С. 83–88.
- ⁵² *Ломов Б.Ф.* Психическая регуляция деятельности: избранные труды. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
- ⁵³ *Сухарев А.В.* Этнофункциональная парадигма в психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. С. 108–110.
- ⁵⁴ Там же. С. 97–117, 175–177.
- ⁵⁵ *Нестик Т.А.* Указ. соч.; Психология адаптации и социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы / Отв. ред. Л.Г. Дикая, А.Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007; *Сухарев А.В.* Указ. соч.; и др.

- ⁵⁶ *Сухарев А.В., Кравченко О.Ф. и др.* Этнофункциональный подход в воспитании и психопрофилактике / А.В. Сухарев, О.Ф. Кравченко, Е.В. Овчинников, В.В. Тимохин, А.А. Шапорева, С.Ю. Щербак // Психологический журнал. 2003. Т. 24. № 5. С. 68–80; и др.
- ⁵⁷ *Сухарев А.В.* Структура ментальности русского и западноевропейского общества в X–XVII вв.: этнофункциональный анализ // Там же. 2014. Т. 35. № 2. С. 129–140; и др.
- ⁵⁸ *Сухарев А.В., Чулисова А.П.* Этнофункциональная коррекция образной сферы личности осужденных за насильственные преступления. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013; и др.
- ⁵⁹ *Сухарев А.В., Степанов И.Л.* Этнофункциональный подход в психотерапии аффективных расстройств // Психологический журнал. 1997. Т. 18. № 1. С. 124–134; *Сухарев А.В., Щербакова О.Ф.* Сравнительный этнофункциональный анализ ментальности общества в исследовании причин алкогольной зависимости // Наркология. 2009. № 7. С. 70–76; и др.
- ⁶⁰ *Сухарев А.В.* Этнофункциональный анализ психической адаптированности коренных народов Камчатского края – чукчей, коряков, и русских камчадалов // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 3. С. 36–50; *Сухарев А.В., Панкова С.Ю. и др.* Роль этнофункциональных параметров в психологической адаптации коренных народов Сахалинской области (на примере нивхов) / А.В. Сухарев, С.Ю. Панкова, В.А. Сосниц, А.П. Чулисова // Пространство и время. 2015. № 1–2 (19–20). С. 279–289; и др.
- ⁶¹ *Сухарев А.В.* Этнофункциональная парадигма в психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008; *Сухарев А.В., Степанов И.Л.* Указ. соч.; *Сухарев А.В., Чулисова А.П.* Указ. соч.; и др.
- ⁶² *Сухарев А.В.* Структура ментальности русского и западноевропейского общества... С. 129–140; и др.
- ⁶³ Там же.
- ⁶⁴ Феномен и категория зрелости в психологии / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
- ⁶⁵ *Морозов М.Н.* Мобилизационный путь развития Российской цивилизации // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 2 (14). С. 175–184.
- ⁶⁶ *Ключевский О.В.* Курс русской истории // Ключевский О.В.: Соч.: В 9 т. Т. 3. М.: Мысль, 1988. С. 241.